

часов вечера. От голода мы были надежно защищены – тетя Лида напекла на дорогу целый пакет шипицынских шанег.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Конкка А. П.* Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // *Этнокультурные процессы в Карелии*. Петрозаводск, 1986. *Он же*. Карта сакральных мест: в поисках утерянных ориентиров // *Водлозерские чтения: Естественно-научные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера*. Петрозаводск, 2006. *Он же*. Дерево у могилы. Функции дерева-знака в погребальном обряде северо-восточной Карелии // *Вестник исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. СПб., 2007. № 3. *Он же*. Марийские деревья-знаки: маркеры сакральных границ // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. М., 2007. № 4.

М. В. Пенькова, Д. Ю. Ефремова, А. П. Конкка

МАТЕРИАЛЫ ПО ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ МАРИЙЦЕВ (священные места и природные духи)

Данные материалы собраны в экспедиции 2006 г. в общей сложности в 8 районах Марий Эл (грант РГНФ «Деревья-знаки в ритуальной и хозяйственной практике населения Марий Эл» 06-01-18080е). Цели и задачи, а также основные результаты исследования деревьев-знаков подробно освещены в статье одного из авторов¹. Параллельно с этнографическим и археологическим исследованием почитаемых и жертвенных мест – кладбищ, священных рощ, родников, а также гор и озер (жертвенный комплекс Большая гора и священное озеро Шумьер в Звениговском районе) – в населенных пунктах фольклористом М. В. Пеньковой велась работа по выяснению современной и былой роли священных мест в обрядовой жизни населения, собирались сведения о календарной обрядности и представлениях марийцев о природных и домовых духах. Записывались предания о происхождении поселений, в материалах также имеются некоторые сведения о погребальной обрядности и представлениях о душе крещеных и некрещеных марийцев. Тексты располагаются по районам республики в том порядке, в котором в них проводились полевые исследования. Предваряют публикацию полевых материалов заметки М. В. Пеньковой о мифологических персонажах марийцев, описанных в рассказах наших информантов.

Заметки о марийских духах

Одним из самых распространенных мифологических персонажей, встречающимся почти во всех районах республики, является *Овда*. Об этом образе в народе сохранилось множество рассказов. Исследователь марийской религии А. Ярыгин так охарактеризовал данный персонаж: «Овда – злая женщина с длинными растрепанными волосами, с длинными заброшенными крест-накрест через плечо грудями и перевернутыми ступнями ног. По ночам она выводит из стойла лошадей, предпочитая белых, и катается на них»².

Анализ полученного фольклорного материала позволяет выделить следующие основные мотивы, связанные с данным персонажем:

1. Овды жили в лесах, оврагах у конкретных населенных пунктов (*Овда курык* (Гора Овды) – д. Абдаево Моркинского района; *Овда корем* (Овраг Овды) – д. Бутыльчонки Новоторьяльского района; *Овда илем* (Жилище Овды) – д. Одо-Беляк Куженерского района);

2. По ночам Овды катались на лошадях преимущественно белой масти;

3. Овды одаривали людей богатством, добрыми посулами, если во время свадьбы их встречали с хлебом, блинами и т.п. Мотив свадьбы *Овды* распространен довольно широко. Свадьба играется ночью, и в это время *Овды* летят по небу, громко и шумно поют. Слов при этом разобрать было невозможно, слышалось лишь монотонное «и-у, и-у, и-у».

4. Овды могли проклясть деревню за то, что население наказывало их (избивало) за катание на лошадях (*Овду* ловили, предварительно смазав круп животного дегтем), выгоняли их с исконных мест проживания;

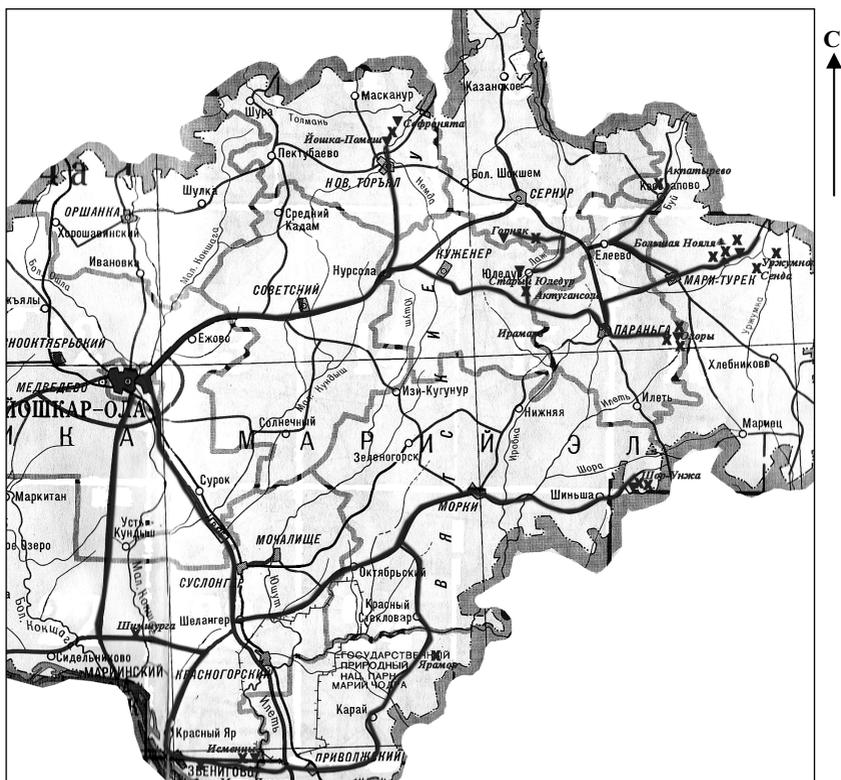
5. Уходя, Овды высыпали из своих лаптей землю, что влияло на изменение рельефа местности – в тех местах, где раньше жила *Овда*, имеются холмы и горы.

Помимо *Овды* во время экспедиции был выявлен новый образ – *Кайык Овда* (Птица Овда). Наиболее приемлемым объяснением этого персонажа является сова, реже – филин. В то же время в некоторых местностях (д. Уржумноля, Большая Ноля Мари-Турекского района), по словам информантов, она имела образ бестелесного духа, живущего в заброшенных священных рощах (*кусото*) или «людей в белом, с дырами под руками, прилетающими на летнее празднество *Сурем*». По их просьбам члены семьи накрывали им во дворе стол с различными угощениями, при этом запрещая кому-либо подсматривать. При выполнении этих условий Овды оставляли хозяевам деньги, и в будущем принявшая их семья жила богато (д. Большая Ноля Мари-Турекского района).

Сюжет многих быличек связан и с другими персонажами, в частности, с *Водыжами, Ия, Таргылтышами*. О последнем писали еще в начале XX в. первые исследователи словесного творчества марийского народа: «Таргылтыш пугает людей, издавая страшный крик, плач»³. В марийской несказочной прозе данный персонаж выступает в самых различных видах. В собранных во время экспедиции текстах *Таргылтыш* выходит навстречу людям ночью в образе человека (пол которого по имеющимся данным определить сложно), едущего на санях (зимой) или на телеге (летом). В отдельных случаях информанты отмечают его одноглазость, другие обращают внимание на белую одежду, третьи – на черную шляпу на голове, при этом глаза его никак не описывают. Наряду с человеческим обликом *Таргылтыш* может принимать зооморфный образ – кошки, ласкающейся у ног, летающей над головой птицы. Он может быть сильным ветром, сбивающим путника с дороги. Практически все информанты проявляют негативное отношение к этому духу. Во избежание попадания под его власть необходимо знание правил поведения, обязательными из которых считалось «уважение» к духу (не трогать, не привлекать к себе внимания, не отрицать очевидного, не осмеивать), в случае же неизбежной встречи следует быть уверенным в собственных силах, нельзя показывать страха (следует ругаться, браниться – «из черепа сделаю себе плошку, из лап – ложки»). Остальные образы «нечистой силы» на пути человека попадают очень редко, по этой причине и рассказы о них носят сбивчивый характер. Сами информанты редкость встречи с супранормальными существами объясняют появлением электрических линий (ЛЭП).

По современным религиозным воззрениям марийцев, благополучная жизнь человека и его семьи во многом зависят от благосклонности духов – хозяев дома, домашнего очага, хлева, бани и др. Функционирование этих верований находим в современных мифологических рассказах, зафиксированных во время экспедиции. В повествованиях о домашних духах просматривается единообразие в тех сюжетах, где говорится о взаимоотношениях духа с домочадцами. К примеру, марийских домовых (*Порт Оза, Порт Кугуза*) необходимо всегда благодарить, просить о том, чтобы охраняли дом от зла, кормить – ставить в специальное место (этим местом может быть печка, полати, угол дома) тарелку с кашей, тестом. Эти духи никогда не попадают на глаза. Как и духи-покровители домашнего очага, духи, обитающие в сараях и хлевах, считаются очень древними. Основными из них являются *Вуча Кугуза, Вуча Кува*. Их основная функция – охрана скота. Их также невозможно увидеть.

Карта-схема расположения районов Республики Марий Эл

Карта маршрута экспедиции

Условные обозначения:

- x** — священные роцци
- ▼** — кладбища
- — маршрут экспедиции
- — границы районов РМЭ

В отличие от них, хозяева бани (*Монча Кугуза, Монча Кува*) иногда видны. Информанты описывают их маленькими и волосатыми, на глаза они попадают, когда вопреки запрету зайдешь в баню после того, как все члены семьи уже помылись. Для этих духов последний, кто моется в бане, специально оставляет в тазике, или ковшике теплую воду, которую нельзя трогать.

Наряду с добрыми домашними духами упоминаются и духи злые (*Ия*). Люди держали их в *кудо*, некоторые кормили, за это *Ия* приносили им золото. Так хозяева богатели, но «злым добром», которое, по мнению информантов, к хорошему никогда не приводит (д. Олоры Параньгинского района).

Мари-Турекский район

д. Уржумноля

«У д. Уржумноля раньше находилась священная роща, в которой осенью проходили большие общинные (*кугу мер кумалтыш*) и семейные (*еш кумалтыш*) моления. Молились своим богам, самыми главными среди которых были *Курык Кугу Ен* и *Пилямбар*. На молениях в жертву богам приносили гусей, уток, баранов, быков. Говорили, что в старину на общинных молениях Кугурак Кугу Ену жертвовали также коней и телят. Он – первый, самый главный бог. Раньше в больницах не лечились. Если кто заболел, приходили в священную рощу (*кусото*) и просили здоровья у *Курык Кугу Ена*, приносили ему деньги, гуся, барана. В старину лечились только так. Женщины просили у *Шочын Ава* здоровья для детей и для себя.

Перед молениями люди прибирались в доме и хозяйстве, мылись в специально протопленных банях, стирали одежду, на моления выходили в чистой белой национальной одежде. После моления не мылись и не стирали целую неделю, не допускали плохие мысли, не говоря уже о делах.

В день моления с раннего утра собирались в одном доме, готовили еду, варили пиво. Отправлялись в *кусото*, молились до позднего вечера. Зажигали много костров, каждому богу – отдельный огонь. На общинные моления приходил народ из других населенных пунктов. Общинное моление длилось всю ночь до следующего утра. Последнее моление общинного характера было в 1950-е гг. Сейчас священная роща не действует, но также охраняема и почитаема: деревья не рубят, траву не косят, грибы не собирают, женщинам запрещается заходить в нее (так было и в старину, когда женщины ходили туда лишь во время молений). В д. Уржумноля и общинные, и семейные моления проводил один и тот же жрец (*кугурак, кугуза, карт*). Сначала это был Йогор Васли, потом Григорий Малинин, последним, которого помнит население, был Иван Константинович. На общинные моления выходили с гусями, играли во время моления и молились, молились и все плакали, громко плакали, чтобы боги услышали просьбы людей.

Потом стали запрещать моления в рощах, но народ все равно тайно ходил, особенно на семейные моления. Гоняли здешних картов, запрещали проводить им моления. Однажды явились прямо на моление в *кусото* и разогнали всех, вылили все, что было на кострах на землю, потоптали огонь. И рассказывали, что потом умерли они все вскоре. Заболели и умерли.

Кроме этих молений, у нас проводился весенний праздник земли *Агавайрам*. Этот праздник есть у всех марийцев. Раньше ходила вся деревня, выходили все семьи, весь народ. Недалеко от деревни в поле есть небольшое место, там стоит несколько берез, туда выходили. Выносили с собой блины, кашу, пироги, крашенные яйца, квас. Молились богу, просили дать хороший урожай, благодарили за урожай прошлый. Во время празднования был такой обычай: у молодухек, кто в текущем году вышел замуж в нашу деревню, молодые парни брали крашенные яйца и кидали через главную березу. Если с яйцом ничего не случалось, если оно не разбивалось, значит, и жизнь у этой молодой невесты будет хорошей, богатой, ладной. А если же яйцо разбивалось, семейная жизнь могла быть не слишком удачной. Береза эта упала сама, сгнила. Не трогали ее, нельзя было. Любили этот праздник в деревне, а сейчас давно уже не ходят. Старые все умерли, а молодым это уже не нужно.

У нас в лесу живет *кайык овда*. Это лесной дух, он по вечерам кричит, пугает. Никто не видел, а голос громкий, будто смеется кто в лесу. Раньше у нас в деревне рассказывали следующее. В других районах есть холмы. Это Овда, уходя, если сердилась, то высыпала из своего лаптя землю, и получались вот такие большие холмы. А у нас больших холмов нет, стало быть и Овды не было, не дошла она до нас и не наказала, нет у нас грехов.

В нашу деревню народ пришел из другой деревни, из Кокши. Сейчас этой деревни нет, осталось только место. Когда пахали там поле, находили много костей. А переселились оттуда оставшиеся люди из-за того, что кто-то каждую ночь убивал там жителей. Рассказывали, что один из жителей деревни то ли сошел с ума, то ли еще что-то, но каждую ночь он убивал по одной семье. Заходил в дом через окно и резал всех. Жители были запуганы и даже готовились к смерти: одевали на ночь все самое чистое, но кто убивал, они не знали. А один мужик не испугался, ночью спать не лег, а взял топор и стал ждать. Как только положил убийца на подоконник свои руки, чтобы залезть в дом, тот и отрубил ему их. Вот потом и переселились все из той деревни на это место.

Не очень давно, лет пять назад провели в Мари-Туреке большое моление, приезжали из других районов, *кугуза* был из Сернура. Моление было на старом месте, там, где с самой старины молились люди».

(Записано от Елены Ивановны Афанасьевой, род. в 1929 г., д. Уржумноля; Ефросиньи Гайлямовны Домрачевой (Соловьевой), род. в 1947 г., д. Уржумноля; Анастасии Григорьевны Малининой (Барановой), род. в 1915 г., д. Уржумноля.)

д. Большая Ноля

«Бабушка рассказывала, что *кайык овда* прилетала в овраг, что недалеко от нашей деревни находится, и не одна прилетала, а много их было. Раньше деревня находилась ближе к оврагу. С виду как люди, одеты они в белые одежды, а на теле по бокам у них дыры вместо крыльев. Прилетали летом, во время празднования *Сурема* (летний праздник марийцев). Сначала приходили в какой-нибудь двор, просили хозяев накрыть стол и велели не выходить из дома и не смотреть на них, мол, мы сами откушаем, отпразднуем. А потом в благодарность оставляли хозяевам деньги. Так в будущем наступала у той семьи добрая и богатая жизнь. В настоящее время не слышно, чтобы про них кто-нибудь что-то рассказывал. Сейчас недалеко от деревни есть у нас *часамла* – священное место молений. Женщины туда ходят молить о здоровье своих детей. Приносят вещи, обувь, оставляют, если кто-нибудь болеет, молятся Ивану-воину за своих сыновей, которые уходят в армию».

(Татьяна Петровна Блинова (Созонова), род. в 1963 г., д. Большая Ноля.)

«В болоте люди видели *ия* (лешего), залезает он на столб и кричит по ночам, пугает. Днем его не видно, вылезает только по ночам и сидит на столбе. *Кайык овда* живет в заброшенных рощах, где раньше люди молились. В лесу ходят люди, там шумно, поэтому она живет там, где тихо и спокойно. А в священные рощи люди не заходят, нельзя, если зайдешь – возьмишь грех на свою душу. В таких рощах можно заплутать, будешь ходить и дорогу не найдешь. Чтобы духи отпустили, надо взять в руки пуговицу, три раза плюнуть и сказать „*Ысмыла, высмыла*“. У деревни несколько священных рощ было. Они заброшены, и ходить туда нельзя. Даже грибы не собирают. А народ сейчас на место *часамла* ходит, там священная вода течет, она целебная, приходят туда и из окрестных деревень, она лечит».

(Игорь Валерьянович Потаев, род. в 1965 г., д. Большая Ноля.)

«В *часамла* народ молится Казанскому богу. Раньше там было все заброшено. Это место старых, древних молений. Вот в этом году все почистили, сделали толково, и народ стал ходить с радостью. Мы ходили совсем недавно, на прошлой неделе, просили здоровья, счастья. На деревьях

платки, одежду, лоскутки вешали, чтобы здоровье было, у кого болят ноги – относят обувь, валенки. С собой брали свечи, хлеб – перекусить. Свечи зажигали и ставили на специальное место. Приносим оттуда воду, она целебная, чистая, вкусная. В это место ходят в основном только женщины, мужчины на деревьях не могут завязывать платки. Ходить на это место можно и в праздники, и в обычные дни. В *кусото* мы не ходили. Другие ходили, молились *Кугураку*, *Миколо Юмо*, *Шочын Ава*. В священную рощу заходить нельзя сейчас, грех. Они не действуют сейчас. *Кайык овда* кричит по вечерам и по ночам, никто ее не видел».

(*Анна Михайловна Охотникова, род. в 1924 г., д. Большая Ноля.*)

«У нас здесь две священные рощи. Одна – *ото*, другая – *кусото*. В первой из них происходили деревенские моления, молились *Курык Кугу Ену*, а в другой – моления общинные. В деревенскую рощу люди редко, но все же ходят. А роща для общинных молений сейчас недействующая. Раньше ходили, в деревенской роще приносили в жертву баранов, быков, коней. Молились там *Шочын Ава*, *Кугураку*. В последний раз на моления выходили в 1946 г., принесли в жертву быка, баранов, уток и гусей. Дед был *картом* (жрецом), я был *учызы* (помощником жреца). Вышли всей деревней. В эту рощу ходило только население нашей деревни, она наша. А в *кусото* мы не ходили, это очень старое место. В деревенскую рощу сейчас не ходим, моления проводим на дому, а золу сожженных костей выносим туда – *сомылым ыштена*. В последний раз ходил туда в прошлом году, выносил золу. Молились раньше под сосной, она стояла в центре рощи. Потом верхушка обломилась, а основа осталась. В 1944 г. председателем был *Хорашавин Герка*, это был очень трудный год. Он с женой распилил остатки сосны и отвез домой на дрова. Жена его заболела и через месяц умерла. Кто дерево тронет, тому обернется, у нас говорят.

Костер разжигали один, но большой. Вешали котлы с юга в сторону севера. И молились также в сторону восхода солнца. В каждом котле мясо одного животного: бычок варится в отдельном котле, а мясо гусей и уток варили вместе. „*Шочын Ава, Кугу Юмо, даруй хорошую жизнь, здоровье*“, – говорили.

Я крещеный, поэтому и в *часамла* хожу. Там я молюсь *Шочын Ава*, *Мер Шочын Авалан*. Там ветви обрубали, висели очень низко, чтобы они не мешали, чтобы светлее было на молельном месте. Молодежь почистила место. Нынче же там все хорошо оборудовали, чисто стало.

Раньше у нас еще отдельно береза старая стояла, туда народ деревенский выходил на празднование *Агавайрама*. Выносили с собой еду, бросали яйца через дерево.

В поле стоит одинокая сосна – это памятное место. Там похоронен в 1914–1915 гг. один революционер. Он был расстрелян под деревом и там же похоронен. Это дерево не трогают. Хотели срубить, чтобы освободить место для пашни, но я рассказал эту историю председателю и тот не стал трогать дерево.

(Викентий Иванович Мамаев, род. в 1928 г., д. Большая Ноля.)

д. Нартасы

«Вокруг деревни было раньше четыре рощи. Так должно было быть – обязательно вокруг каждой деревни четыре священных рощи. Одна из них была семейной, другая – родовой, третья, по всей вероятности, общинной и т. д. На молениях у каждой семьи было свое дерево. У нас два, из них одно – место *Агавайрем*, давно распаханы под поле. Действующих рощ нет. А в самой деревне, около старой бани, находится старое место поклонений. Туда и сейчас люди не часто, но ходят, поэтому там на ветках деревьев висят различные предметы одежды, повязаны лоскутки. Это место „оздоровления“. Известно также, что сюда приносят золу с этой же целью, предварительно совершив дома какой-то обряд. Какой именно – неизвестно. Было такое понятие – „*Юмын карт родо*“. Этим понятием обозначался круг родственных людей, занимающихся молениями в священных рощах. В этой деревне стояла когда-то большая древняя сосна, видимо, моленная. В нее ударило молнией, и оставшуюся часть дерева один человек, атеист, забрал к себе на дрова. Верующим людям это не понравилось, и они что-то пошептали по-своему у этих дров, и спустя какое-то время у хозяина заболевает и умирает жена. Местное население если даже что-то знает о древних молениях и о священных рощах, не открывает своих знаний».

(Любовь Янушевна Медведева (Кочергина), род. в 1961 г., д. Олоры, в д. Нартасы живет с 1986 г.)

«В *часамла* народ ходит для избавления от болезней, берет святую воду, оставляет монеты, просит у богов благ, здоровья, удачи, помощи в делах. Ходят обычно по православным праздникам. Жертвы там не приносят.

Жертвы приносят в другом месте, недалеко от д. Токпай через речку есть место. Там молятся таким богам, как *Курык Кугу Ен*, *Пиамбар*, *Витнызе*. Там у каждой семьи есть родовое дерево – *онану*. Чаще всего, это дерево – липа. Разжигают костер, жертвоприношения делают, варят кушанье. Делают на земле настил из веток. Костер один. Котлы разные.

У нас три бога, поэтому и три разных котла берут. Оставшуюся еду, кости приносят домой. Через неделю все кости, которые собирали отдельно, уносят обратно в рощу и сжигают на костре.

А *кайык овда* – это ночная птица, она страшно кричит по ночам, пугает. Никто никогда ее не видел. Раньше картов было много, почти каждый мужчина знал это дело. В каждой семье свой мужчина руководил семейными молениями. Даже если в семье не было взрослого мужчины, желательно было, чтобы в семейном молении участвовал сын. Или просто мальчик. Необходимо было присутствие человека мужского пола. На *Агавайрем* тоже должен был присутствовать мальчик, если не было мужчины. Там жертвоприношений не было. Выносили с собой хлеб, яйца, творожные лепешки (*тора*), разводили костер. Играли, молодые поженившиеся пары яйца кидали через дерево. Если яйцо разбивалось, жизнь могла быть не очень удачной, если яйцо оставалось целым, жизнь будет хорошей».

(Алексей Захарович Бочаров, род. в 1942 г., д. Нартасы.)

д. Акпатырево

«У нашей деревни есть священная роща – *кусото*. Там раньше выходили на общинные моления (*мер кумалтыш*), приносили в жертву гусей, уток, баранов, бычков. Приходили из всех окрестных деревень. Молились под главным священным деревом. У нас этим деревом была липа. Она обвязывалась вокруг ствола липовым лыком. Во время моления к стволу прикрепляли горящие свечки. Мы были маленькими, взрослые брали нас собирать кости. Сейчас место это заброшено, население молиться не ходит. Грибы собирают, что не желательно, деревья не рубят. В последний раз на моление выходили во время войны, а потом перестали окончательно. Есть также место для деревенских молений (*ял кумалтыш*). Молились богу *Курык Кугуза*. Праздновали *Агавайрам*. Недалеко от деревни в поле стояла береза. Ходили туда весной. Костры там не зажигали, а просто брали с собой из дома еду.

Самым первым жителем деревни нашей был *Акмыржа*, основался в здешних местах. По-марийски деревня называется *Кушыл Вочарма* (Верхняя Вочарма). Мне рассказывали в детстве, и это не сказка, с давних пор это рассказывают, что Овда жила в наших местах. Говорили, любила она очень лошадей серой масти и каталась на них. Стали люди замечать, что лошади после ночного выпаса приходили уставшие, ослабленные. Намазали они на круп одной лошади смолу, и Овда прилипла к ее спине да так и приехала в деревню. За свою свободу она откупилась, дала

деньги людям и прокляла деревню. Ступни ног ее вывернуты, груди перекидывает на спину. Ушла она, потому что лесов мало стало. Есть такое место, не у нас, далеко отсюда – *Овда курык* (Гора Овды), раньше там они жили.

В каждом доме есть хозяин – *Сурт оза*, его надо чтить, благодарить, так же как и хозяйина и хозяйку бани – *Монча Оза, Монча Кува*».

(*Марфа Ивановна Акпатырева, род. в 1929 г., д. Акпатырево.*)

Параньгинский район

д. Олоры

«Деревня Олоры имеет несколько священных рощ – *Леванти кусото, Кугу корем кусото, Очи кусото, Мер кусото, и Пеледыш пайрем кусото*, где проводятся ежегодные праздники. Часть населения деревни, особенно пожилая, выступает против проведения празднеств в данном месте, т.к. эта роща считается самой старой из священных мест. По отношению к священным рощам, даже не действующим, все табу действуют и в настоящее время. Так, недавно было принято решение о том, что в 2006 г. празднование *Пеледыш пайрем* проводится в последний раз и в будущем на месте священной рощи его проводить не будут. Гулять, веселиться и т.п. на месте священных молений запрещено. Даже дети знают, что священные места необходимо чтить и оберегать.

Большинство календарных праздников и обрядов марийцев связано с циклами сельскохозяйственных работ. Один из самых любимых праздников марийцев – *Агавайрем*. Этот праздник проводился у здешних марийцев до или после весенней пашни, в новолуние. У земледельцев существовало поверье, что сеять надо, когда нарастает луна. И марийцы считали: то, что должно подняться выше земли, нужно посадить при новорожденной луне – будет хороший урожай. Основной идеей этого весеннего празднества было умилостивить силы природы, призвать их на помощь в получении хорошего урожая. Перед каждым праздником (как и перед молениями в священных рощах) люди мылись в банях. Рассказывали, что марийцы значительно раньше других народов начали пользоваться баней. Раньше было принято так: на каждый праздник – в чистой белой одежде, с чистой душой.

В рощу начинали собираться до обеда, поэтому с утра топили баню, пекли блины, готовили ритуальную еду: вареные, крашенные яйца, лепешки из творога, пироги, кашу, квас. В связи с тем что этот праздник был связан с земледелием, жертвенная еда состояла только лишь из зерновых продуктов и продуктов молочных, мясного ничего не было. Собравшись

в роще, жертвенную еду ставили в один ряд на специальный настил из досок на земле. Каждый домохозяин зажигал свечу над кадкой с квасом.

После этого *карт* начинал читать молитвы, остальные стояли на коленях. Молитва в основном содержала в себе просьбы о ниспослании хорошего, щедрого урожая, своевременного дождя, приплода скота и т.д. Затем карт брал головешку от священного костра, проходил через ряд молящихся, выкуривал все вокруг дымом от священного огня. После этого он брал в руки ковш с квасом, хлеб с солью и просил принять бога, провозглашая „*алал лийже*“, что по смыслу означало “сила всех земных благ – богу, а мы просим здоровья”. Затем жрец вместе с молящимися, встав на колени и взявшись за руки, раскачиваясь, совершали ритуальные действия, напевая при этом: „ой-ой-ой“. Тем самым люди усиливали значение своих просьб.

После этого начинались всеобщее угощение и игры. Большую роль на празднике играли жертвенные яйца. С яйцом в руках молодые, вышедшие замуж женщины, просили у карта благословения. Он, взяв в руки яйцо, говорил ей пожелания достатка и богатства, чтобы жизнь была полной, как это яйцо. Бывали случаи, когда жрец разбивал яйцо об лоб женщины с пожеланиями хорошей жизни. В настоящее время этот обычай утерян.

После всего карт провозглашал благодарную молитву. Люди подметали крошки и остатки еды, все сжигали на огне. Вечером люди ходили друг к другу в гости. Было одно обязательное табу – не ругаться, не пить спиртного. В противном случае бог не принимал молитвы».

(Учительница Эльвира Максимовна Кочергина, род. в 1965 г., д. Учейкино Волжского района, в д. Олоры проживает с 1984 г.)

«В нашей деревне одной из самых больших священных рощ считается *Очи кусото*, где проводили деревенские моления. В рощах раньше молились своими родами. Эта роща – *Мер кусото* – сейчас не действующая. В ней раньше молились каждому богу у отдельного дерева, каждый бог имел свое дерево. У Мер Кугу Юмо было свое дерево, к нему шли с гусями, утками, телятками, овечками. А в самую старину в жертву ему приносили коней. У каждой семьи были свои места. Бывали случаи, если место было не очень благоприятным – дул сильный ветер или что-то было не так, то семейные места меняли. Уходили туда, где теплее, где имелся водоем, где было низкое место. Новое место выбирал самый старший член семьи, глава семейства. Последнее, осеннее моление проходило обязательно до 19 декабря. Весенние моления проводили до весенних работ.

Молились одному общему богу – *Курык Поро Ен*. Он был очень сильным, воинственным богатырем – *Онаром*.

Мер кусото – место молений верхнему богу – *Мер Кугу Юмо, Кушыл Кугу Юмо*. А бог *Курык Поро Ен* ходит по земле. Он младший брат верхнего бога. У него есть жена – *Пиямбал*. Ей тоже молились. К земным богам относятся также *Капка Орол* и *Витнызе*. Им молились отдельно у своих деревьев. Нижним богам – *Киямат тора, Киямат савьши* – не молились. Им нельзя молиться. Им зажигали свечи в день марийской Пасхи (Духов день), чтобы они не мешали жить.

Главным священным деревом у нас считалась липа. Эти деревья надо оберегать и не пилить, хотя они, в большинстве своем, все старые. Если тронешь такое дерево – умрешь. Эти священные деревья выбирал *карт*, главный священнослужитель. Выбирал самое лучшее дерево в роще.

В рощах родовые знаки ставились не на деревьях, а на столбах, которыми огораживалось семейное место молений. Родовым знаком нашей семьи был треугольник. У других семей были другие знаки, как китайские знаки. Сын наследовал тот же старый дедовский знак, не менял его даже с женьитьбой. Раньше картов было много. Главного карта выбирало местное население.

На моления могли готовиться заранее, а иногда о необходимости молений могли сообщать верхние силы через сны. Если во сне видели, что тучи поднимаются, гром гремит – значит, надо идти молиться. Это знак бога, таким образом, он давал своеобразный сигнал. Перед молениями везде все убирали, мыли, чистили, стирали. Сами мылись в бане. После молений стирать и мыть нельзя.

В рощу приходили за день. Ворота в рощу находились с северной стороны. Все убирали и чистили, готовили дрова для костра – сухой и валежник, настил из еловых веток для еды, определяли места для жертвенных животных, ставили для них столбы. В настоящее время все необходимое на молениях готовят дома. А раньше все делали на месте, в самой священной роще. У священного дерева *онату* развешивали платки и полотенца, а само дерево обвязывали тонким поясом из липового лыка. Его плели там же, на месте молений. Брали лык у молодой липы.

Молиться начинали с утра, около шести-семи часов. В рощу приходили все: и мужчины, и женщины, и дети. Для того чтобы определить, что животное будет принято богом, на него брызгали водой. Если животное вздрагивало, это означало, что бог принимает жертву. Котлы вешали на готовые балки, вбитые в землю в форме буквы «п». Все кости, внутренности, перья сжигали в кострах. Каждому богу зажига-

ли у его дерева отдельный костер и вешали отдельный котел. Кровь тоже пускали в огонь. Нельзя было допустить, чтобы к жертвенной крови прикасались собаки. Это было запрещено. Их старались не впускать в священные рощи.

Кровь жертвенного животного ложкой брызгали на священное дерево, чтобы бог окончательно принял жертву. Брызнуть старались как можно выше. Брызгали до трех-четырёх метров. А поясок завязывали на уровне метра полтора. Хорошие карты знали молитвы. Молодые читали из тетрадей. Молитвы писали и передавали из поколения в поколение. Я сам моления проводил без тетради. Тетрадь с молитвами мне дал сосед, а ему ее дал его дед. В настоящее время в рощи ходят не часто. Чаще молятся на дому. Роль костра выполняет огонь в печке, сжигают все в печи. У нас теперь народ начал верить богу. А раньше во время войны картов судили, молиться запрещали.

Я сам некрещеный. На кладбище некрещеным ставят столб и завязывают полотенце. На столбах родовые знаки не ставятся, сам столб ставят в голове. Ногами покойник лежит к солнцу, на восток. Стружки от гроба сжигаются там же, на кладбище. Могилу копают глубиной два метра, столб копают в глубину на полметра. В гроб кладут деньги в мешочке, чтобы покойник мог откупиться. Одевают костюм, кладут запасную рубашку, штаны, кто – варежки, женщинам – нитки и иглы. В гроб под голову кладут березовый банный веник. Его измельчают топором. Считалось, будет мягче.

У нас и во время свадьбы кидают с улицы через ворота деньги.

Есть черти. Живут они в лесу. Это злая сила. Еще раньше жила здесь *Овда*. Они похожи на людей, но с большими грудями, до коленей висят, ступни ног вывернуты назад. Были и мужчины, и женщины. Говорили, что прокляли они соседнюю деревню, и она пропала. Будто прогнали жители их в лес, в овраги, поэтому и прогнали. А по ночам весной кричит в лесу *кайык овда* – это старая сова. Кричит страшно, порой испугаешься.

Есть *Ия*. Он может менять свой облик. Может быть и человеком, и кошкой. Если человек пьет, его забирают *Ия* – злые духи. И сами становятся *Ия*. Раньше этих злых духов – *Ия* – некоторые люди кормили. За это *Ия* приносили им золото. Таким образом эти люди богатели, но злым добром. А злое добро к хорошему не приведет. Жили они в шалаше у *кудо*, там их и кормили. Оставляли им еду и богатели. Один богатый, рассказывали, даже во время свадьбы кормил сначала *Ия* и только после гостей.

В бане живут банник и его жена – *Монча Кугуза* и *Монча Кува*. После того, как помылись в бане, их надо благодарить. Последний, кто помылся, наливает в таз воды, чтобы мылись они. После этого в баню заходить

не желательно. А если уж погонит нужда, то заходить нужно шумно, кашлянуть, например, чтобы тебя услышали, иначе они не успеют спрятаться. Благодарить нужно и *Сурт Кугу Юмо* – бога, который хранит домашний очаг и домочадцев. Как и Сурт Кугу Юмо, есть, говорят, *Сурт Водыж*. Он живет в *кудо*, помогает хранить очаг. Ему уже не молятся.

Некоторые, кто плохо спит или боится, кладут под подушку ножницы».
(Яков Анисимович Жилин, род. в 1934 г., д. Олоры.)

«*Леванти кусото* – наша старинная родовая роща. Туда ходил мой прадед. Общинное моление назначается заранее, а после него, в ноябре, идут уже семейные моления вплоть до 19 декабря. Некоторые молятся дома, некоторые ходят прямо в рощи. На общинное моление все обговариваем, с картами договариваемся, назначаем день, заранее идем в рощу, все убираем, чистим. Женщины в этих делах помогают. Если колхоз поможет, приводим бычка, если нет, то – барана, а сами люди приносят уток, гусей. Барана покупаем, заранее собираем деньги. Весной ходим на *Агавайрем*, после посевной. Нынче не ходили.

Я сам моления проводил три года. Люди приходят в белой, нарядной одежде. Никто не курит, не сорит. Все подобное происходит за пределами священной рощи. Свечки прилепляют на *онату*. В старину на моление приносили в жертву коней красной масти. На главное дерево завязываем пояс. Его заготавливаем заранее. Лыко берем у молодой липы. Люди кроме моленных дней сюда не ходят, боятся. Знают, что трогать и ломать ничего нельзя».

(Александр Трофимович Леонтьев, род. в 1957 г., д. Олоры.)

«У нашей деревни много священных рощ. Мы туда ходим молиться. В *Пеледыш пайрем кусото* решили не делать больше праздников, и правильно. Это старое место молений наших предков, а мы там гуляем. Надо чтить древние обычаи.

Чимбулат – был *оном* (предводитель, вожак, старейшина) черемис, который стал потом божеством за свои дела. Народ сделал его таким за его дела. Он воевал против врагов-захватчиков, оберегал землю. У него была жена-чувашка, по имени *Пиямбар*. Имел он войско из тридцати четырех тысяч воинов. Был у него секретарь – *Витнызе*, был помощник – *Капка ороло*. Умер своей смертью, похоронили его на каменной горе. Гора эта стала священной, там марийцы молятся. Эту гору даже взрывали в XX в., все равно народ ходит молиться, и сейчас ходят. Жену его похоронили вместе с ним. До Чимбулата марийцы молились *Кереметю*. Кере-

мет был человеком. Во время жертвоприношений он убивал *керемом* (веревкой), отсюда получил свое имя.

Раньше здесь жили удмурты. Их называли „одо калык“ (“народ одо”). Они молились *Азырену*. В жертву приносили детей, выбирали самого красивого, кровь потом разносили по домам. Удмурты убивали большими клещами – *азыр*, чтобы кровь вытекала. Они точно здесь жили, потому что я хорошо помню, когда родители ссорились, говорили так. Отец матери: „Ты из рода *азыренов*, с большими круглыми глазами“. А мать отцу: „А ты из рода *кереметей*, с маленькими тусклыми глазами“. Моя мама, когда вышла замуж за отца, была крещеной, но потом стала ходить с отцом в священную рощу. В старину все марийцы были „белыми“, т. е. добрыми, худого не делали. А потом кровь смешалась с чужими, с теми же одами, и появились марийцы „черные“, они свои знания направляют в плохую сторону, творят черные дела. Если во дворе обнаружишь чужую вещь, надо брать лопату и левой рукой отнести на перекресток дороги.

В лесу живет злой дух – *Чодыра Ия*, он пугает, кружит по лесу, из-за него можно заблудиться, есть и добрые духи – *Чодыра Кугуза* и *Чодыра Ава*, они являются хозяевами леса. Когда идешь в лес, у них просишь разрешения. Говорят, на кладбище нельзя живому человеку находиться больше трех дней, деревья начинают шуметь, гонят прочь, не положено, пока живой.

В воде живет дух *Вуд Ия*. Раньше для того, чтобы найти утонувшего человека, бросали в воду каравай хлеба, где остановится хлеб, там лежит тело, а хлеб оставляли в воде. Если же хлеб нигде не останавливался, значит, *Ия* не хочет отдавать тело.

В доме живет *Сурт Водыж* – хозяин дома. Ему ставят на чердак кашу.

Марийские женщины раньше имели отдельные места для молений. Обычно это были священные родники. Ходили туда за водой, просили у *Вуд Ава* здоровых детей, оставляли свои платки. Нынче таких мест мало, ходят туда и мужчины, а раньше в такие места мужчинам запрещалось ходить.

Слово „черемис“ означает „белый человек“. Белый цвет был священным цветом марийцев. Наш народ очень древний. Раньше ходили они только в светлых белых одеждах. У марийцев были и другие герои: *Акпатыр*, его убили в Москве русские, князя *Болтуша* убили русские во время моления в священной роще. А *Акпарс* был предателем, сдался русским. У него жена была русской, по имени Надя. Горные марийцы приняли христианство без сопротивления, отказались от своей веры. За это русский царь наградил их землями.

В священных рощах деревья рубить нельзя. Давно у нашей деревни татары срубили священную рощу и спустя время умерли все в один день. И в лесу если срубил дерево, попроси прощения, а потом три дерева посади. На молениях в жертву приносят только таких животных, как овца, баран, бычок, лошадь, свинью нельзя – это животное грязное, годится только для Керемета. Из птиц – гуся, утку, курицу нельзя.

Древние мари́йцы считали, что душа вселяется в человека только три раза, а затем – в птиц. За свои заслуги, кто как жил – в разных птиц. Поэтому некоторые птицы поют горестно, а другие – весело, а третьи – во все страшно».

(*Ольга Петровна Кузнецова, род. в 1939 г., д. Олоры.*)

Новоторьяльский район

д. Софронята

«У нашей деревни есть две рощи. Одна из них действующая, другая – очень древняя, туда уже давно не ходят молиться. В другую же ходим и в настоящее время. Эту рощу очень берегут. Ругаться в ней нельзя, нельзя даже думать о плохом, заходят только с добром. А рубить деревья нельзя вообще. Были случаи, рубили, потом эти люди заболели или умирали. Это деревенская роща. Туда ходит молиться только население нашей деревни. Главное священное дерево – сосна. Приносим в жертву гусей и баранов. Молимся мы богу *Поро Лендыр Тур Кугуза*. Молимся ему мы раз в год, летом. Как закончатся большие работы, так и приходим. Заранее все обсуждаем, определяемся с днем, собираем деньги и приходим. Другие жители других деревень сюда не ходят. У них есть свои деревенские рощи. Разжигаем один костер. Вешаем два котла. В одном варится мясо, в другом – каша. На жертвенных животных брызгаем водой, чтобы принял бог. Они должны задрожать. Кровь собираем в отдельную посуду. Приносим с собой полотенца, платки, вешаем на священное дерево. Перед молением все моемся в банях, одеваем с утра чистую одежду, заранее приходим и все убираем в роще, подметаем березовыми вениками.

Животных режут около огня, кладут их в сторону востока. Во время моления встаем к солнцу. Приходят все: и женщины, и мужчины, и дети. Свечи мы ставим на специальное место. Под еду, которую приносим, расстилаем еловые ветки.

После моления все сжигаем: и кровь, и шкуру, и перья.

На сороковой день после похорон мы зажигаем сорок пять свечек и три свечи для таких богов, как *Сурт Юмо* (хранитель домашнего очага),

Кугече Юмо (бог Пасхи), *Мланде Ава* (мать плодородия) и *Пайрам Юмошамычлан* (бог празднеств). Три свечки заворачиваем в одну для покойника. Потом эту свечу ни в коем случае нельзя давать в руки чужому человеку, считается, что отдашь семейное счастье. И всем присутствующим раздаем по одной свечке.

Про Овду я мало чего знаю. Слышала только, что говорили про свадьбу Овды, шли они в полночь и слышен был шум свадьбы, „и-у, и-у“, кричат, рассказывали. С виду они длинноволосые, ступни ног вывернуты назад, они проклинали деревни. Та деревня, мимо которой они уходили, потом пропала. А те, кто приглашал их в дом, кормил-поил, тех они награждали богатством, и люди эти жили потом в достатке.

В доме живет *Сурт Юмо*. Ему молятся дома. Приносят в жертву гуся и двух уток. А в бане живут *Монча Кува* и *Монча Кугуза*, их просто благодарят, как помоются».

Марийские религиозные праздники по наставлению главного карта республики Алексея Ивановича Таныгина

Январь

1 – Новый год (Календарный Новый год).

3–4 – Космический Новый год.

7–13 – Рошто ден шорыкйол арня (Рождественская неделя, Святки).

19 – Юмо чыкым кече (Крещение).

Февраль

12 – Конга (три святых).

15 – Теле доно шошо вашлийыт (Сретенье).

Март

6 – Уарня (Масленица). В неделю Масленицы лунные фазы меняются. Масленица бывает на восемь недель раньше Пасхи.

14 – Овдоким кече (Евдокия). Какой день будет на Евдокию, такое и лето жди. Если в этот день снег выпадет – хороший хлеб уродится. Теплый ветер – сырое лето. Северный ветер – к прохладному лету.

15 – Федот кече (Федотов день). Если в этот день буран, то долго не поспеют травы.

22 – День весеннего равноденствия. Со следующего дня начинают считать сорок утренников.

Апрель

7 – Шернур (Благовещение). Если на крыше лежит снег, то с полей он не сойдет до Егорьева дня.

24 – Шертне пазар (Вербное воскресенье). Бывают на неделю раньше Пасхи.

28 – Коным (Сорта). Великий четверг. Бывает за три дня до Пасхи.

Май

1 – Кугече кече (Пасха). Высчитывается астрономически, после девятнадцатого марта ждут, когда будет новое полнолуние. После полнолуния в первое воскресенье и празднуют Пасху.

6 – Егорьев день. На небесах хозяйничает Егор Храбрый.

21 – Иванов день.

22 – Весенний Михайлов день. После этого дня остается двенадцать утренников.

Июнь

6 – Агавайрем. День творения, за четыре дня до Вознесения.

10 – Черке пазар (Вознесение). Через сорок дней после Пасхи.

13 – Агавайрем. День творения, на третий день после Вознесения.

15 – Семик. Через семь недель после Великого четверга (28 апреля).

19 – Трочын (Троица), через сорок девять дней после Пасхи.

20 – Кугу агавайрем (Духов день). Бывает через пятьдесят дней после Пасхи. День рождения Земли.

25 – Орморко агавайрем. На пятый день после Духова дня.

Июль

3 – Нефедит кече (День Мефодия). Солнце передает Земле новое дыхание, ритм на благополучие. К примеру, если в этот день сырая погода стоит, то сорок дней не будет хорошей погоды и наоборот.

7 – День Ивана Купалы. Это ночь разного колдовства.

12 – Петро, Павыл кече. Сурем кече (Петров день). На небесах апостолы Петр и Павел хозяйничают.

21 – Летний Казанский день.

Август

2 – Ильин день. На небесах Илья-пророк хозяйничает.

14 – Первый спас. Медовый спас. На небесах Спаситель хозяйничает.

19 – Второй спас. Яблочный спас.

28 – Третий спас. Успение.

Сентябрь

11 – Осенний Иванов день.

14 – Семенов день. После этого дня зерновые, оставшиеся в поле, уже не твои.

28 – Боброский кече (Воздвижение). После этого дня птицы в дорогу собираются, медведь место присматривает, у растений корни перестают расти.

Октябрь

14 – Покров день. Чувствуется зимнее дыхание. Если в этот день ветер северный – к холодной зиме, южный – к теплой, западный – к снежной. Если же в течение дня направление ветра меняется, то и погода зимой будет меняться.

23 – День Евлампия. Если этот день совпадает с новолунием, то смотреть на рожок месяца. Он показывает на север, значит, зима будет ранняя и снег ляжет на сухую землю, на юг – зима придет поздно, осенняя грязь будет держаться до Казанской.

Ноябрь

4 – Осенний Казанский день или Казанской богоматери.

21 – Осенний Михайлов день.

Декабрь

4 – Введение. К этому дню реки льдом покрываются.

9 – Юрьев день. В Юрьев день медведь засыпает.

19 – День Николая Чудотворца.

22 – День зимнего солнцестояния. Астрономический Новый год.

I. Зима длится 111 дней, с 27 ноября по 17 марта. У нас считают, есть 3 периода:

1. Первозимье, 25 дней, с 27 ноября по 23 декабря.

2. Коренная зима, 55 дней, с 24 декабря по 15 февраля.

3. Перелом зимы, 31 день, с 16 февраля по 17 марта.

II. Весна длится 85 дней, с 18 марта по 10 июня. Она подразделяется на 4 периода:

1. Снеготаяние, 29 дней, с 18 марта по 15 апреля.

2. Оживление весны, 21 день, с 16 апреля по 5 мая.

3. Разгар весны, 15 дней, с 6 по 21 мая.

4. Предлетье, 20 дней, с 22 мая по 10 июня.

III. Лето длится 76 дней, с 11 июня по 26 августа. Оно имеет 3 периода:

1. Начало лета, 26 дней, с 11 июня по 5 июля.

2. Полное лето, 21 день, с 6 по 26 июля.

3. Спад лета, 29 дней, с 27 июля по 28 августа.

IV. Осень длится 93 дня, с 27 августа по 26 ноября. Она делится на 4 периода:

1. Начало осени, 29 дней, с 27 августа по 23 сентября.

2. Золотая осень, 21 день, с 24 сентября по 14 октября.

3. Глубокая осень, 8 дней, с 15 по 22 октября.

4. Предзимье, 35 дней, с 23 октября по 26 ноября.

(Екатерина Петровна Шабалина (Садовина), род. в 1940г., д. Михайлов Починок Новоторьяльского района, с 1957 г. проживает в д. Софронята.)

«Самыми первыми в нашей деревне жил род Чобыка, потом деревня выросла и стала называться их именем. *Овдой* нас пугали в детстве, говорили, что они похожи на людей, но с длинными волосами. Недалеко от Чобыка есть овраг, овраг Овды называется, будто жили они там давно, а потом ушли. Говорили, что в бане живет *Монча Кува*, в бане последним нельзя мыться одним, она может поймать, лучше идти вдвоем. И последние наливают в таз воды и оставляют в бане для нее, Монча Кувы, чтобы она мылась. Вода должна быть теплой, такой, какой сами моемся. После этого никто не должен зайти в баню, а мыться тем более нельзя. А воду с утра выливаем. У *Сурт Юмо* просим добра, здоровья. Проводим дома моления. Ходим каждый год в нашу деревенскую рощу.

Бывали у нас случаи, рассказывали, что иногда у кладбища долго плутали и не могли выйти на дорогу, и кладбище будто притягивало к себе. Прочитав молитву, они выходили к деревне, отпускало их это место. Что это могло быть, не знаю, но рассказывали. Чтобы зло не приставало, мы ходим к роднику в д. Йошкар Памаш. Эта вода целебная. Как проходим мимо, обязательно умываем лицо, пьем ее, просим сохранить здоровье».

(Лидия Аркадьевна Домрачева (Анеева), род. в 1956 г., д. Чобык Новоторьяльского района, в д. Софронята живет с 1987г.)

«Мой брат, когда работал трактористом, видел много необычного. Раньше пахали трактористы по ночам. И однажды они заночевали на краю священной рощи, и в полночь, рассказывал, вдруг громко замычал бык в роще, все перепугались, а ведь взрослые мужчины. И мычал этот бык всю ночь до зари. А однажды, когда так же пахал ночью, перед трактором возник высокий белый человек. Он пахал, а этот человек все рядом ходил. Решил тогда брат ехать домой. Доехал, а он за ним пришел, остановился у края деревни, громко-громко заплакал и повернул обратно. Это был *Таргылтыш*. Он является злым духом. Или, рассказывал, всю ночь, когда пахал на тракторе, прилетела какая-то птица и не улетала. Он повернет, она с ним, так до зари и летала. Это тоже был Таргылтыш. Он может менять свой облик. Отец тоже рассказывал про него. Пошли они кормить лошадей. Раньше по ночам отпускали на выпас. У болота есть место хорошее, пологое, с высокой травой. И вышел им навстречу высокий белый человек, с одним глазом, на голове что-то вроде шляпы. Лошади наши, рассказывал, заржали, стали рвать поводья, тянуть назад. Схватились они за топоры, встали ему навстречу. Постоял, постоял, громко заплакал,

и, плача, ушел. Он всегда плачет, почему, неизвестно. Нынче этих злых духов встретить нельзя, они только раньше появлялись. Сейчас много телефонных проводов, поэтому они не появляются.

В прошлом году я слышала сама, как в поле у нашей деревни кто-то страшно заплакал. Что это было, не знаю, я очень перепугалась. Страшный плач был.

В бане всегда оставляем теплую воду для хозяев бани – *Монча Кугуза, Монча Кува*».

(*Ульяна Степановна Кочакова (Веревкина), род. в 1929 г., д. Шуй-Беляк Новоторьяльского района, в д. Софронята живет с 1956 г.*)

д. *Йошкар Памаш*

«Мы молились в священной роще, молились там только жители нашей деревни. Рощу свою бережем, дрова оттуда не приносим домой. Молимся и сейчас, ходим в рощу раз в год, летом, в июле. В жертву приносим овцу, гуся, собираем деньги, кто сколько может. Молимся под священным деревом. Деревенское моление проводят у липы, она является священным деревом. А у нашей семьи *онату* – ель. У остальных семей тоже есть свои места, у всех семейным священным деревом является ель. На деревенское моление ходят ежегодно, летом. Молимся богу *Пурнемтург*.

А на семейные моления выходят осенью. Кто когда может, но обязательно до девятнадцатого декабря. Во время семейных молений молились иногда и богу *Сурт Оза* (покровитель хозяйства). Ему приносили гуся, овцу и бычка. Стряпаются на моление в нашей деревне по очереди. Раньше я готовила хлеб, теперь состарилась, поэтому и по очереди готовят. У нас сейчас *карт* женщина, она 1953 года рождения, приезжает из Черной Грязи. А раньше *картом* был мой брат, а я готовила жертвенный хлеб. *Карт* руководит, читает молитвы, а все остальные стоят на коленях.

В одно время запрещали молиться, но в нашей деревне молиться никогда не прекращали. Молились тайно, так же тайно ходили и в рощу. Больших молений, конечно, не делали, чтобы не поймали, но продолжали все равно. Поэтому, когда началась война, бог помог нашей деревне. Старик был один, он не боялся, ходил в рощу, всем говорил, что просто готовит там кушать, а сам тайно молился. И тайно к нему за этой едой ходили женщины, у которых мужья тогда воевали. И молились. Из деревни на фронт ушли двадцать два человека, восемнадцать из них вернулись обратно. И ни один из них не был серьезно ранен, не было инвалидов.

А из тех остальных, которые не вернулись, один был учителем, не верил в бога. У остальных в семье была жизнь нехорошей. У одного отец

жил с другой женщиной, другой был, мы знали, глуповатым, больным, ходил по деревне и все смешил людей, жил один, по-русски говорить не умел, другому жена по ошибке надела рубашку наизнанку, когда тот уходил. Разное говорили, но восемнадцать вернулись обратно. Мой брат семь лет был на войне, но вернулся невредимым. Недалеко есть священная роща *Еврай кусото*, там даже все столбы повалили, но люди ходили туда по ночам и молились, молились все время войны и сейчас молятся. На моления приходят и те выходцы из нашей деревни, которые уже живут в городах, в других местах. Летом приезжают специально на моление.

Я самая старая на деревне. Рассказывали, что у нас тут раньше родников не было. И однажды внезапно из-под холма забила вода. А холм тот был глинистым. И потекла вода сначала красная. Поэтому родник и саму деревню называли Йошкар Памаш – Красный Родник. Вода там целебная, очень чистая, вкусная».

(Вера Никитьевна Шабдарова (Ягодарова), род. в 1927 г., д. Йошкар Памаш.)

д. Черная Грязь

«Я родилась в д. Ефимово, по-марийски называется Эшым Сола. Самым первым жителем деревни был мариец по имени Эшым, от него пошла эта деревня. Про *Овду* я слышала, что тех людей, которые кормили-поили ее и хорошим словом награждали, она одаривала богатством, а кто прогонял ее, тех проклинала и дом тех людей потом пустел. У нее очень длинные волосы, она по ночам каталась на лошадях. Возвращалось животное домой уставшее, взмыленное. Видел хозяин, что на спине лошади прилип длинный волос и догадывался, что на ней каталась Овда.

По ночам, особенно во время войны, слышался шум свадьбы Овды – „и-у, и-у, и-у, и-у“. Я слышала его не одна.

А ровно в полдень слышали плач младенца, это плакал *Таргылтыш*. А в воде живет *Ия*. Если в воде тонул человек, его забирал, говорили, *Ия*. Сейчас духов нет, потому что воздух изменился, жизнь сама изменилась, что-то взрывают, шумной стала жизнь у людей. Вот поэтому их и не встретишь.

(Анастасия Васильевна Чемоданова, род. в 1919 г., д. Ефимово Новоторьяльского района, в д. Черная Грязь живет с 1947 г.)

«Овду своими глазами я не видела, но слышала о ней. Сейчас говорят, что людей не путает злая сила, потому что везде кругом имеются высоко-

вольтные линии, а нечистая сила тока боится. Раньше этих проводов не было, и темные духи вмешивались в жизнь простых людей – они могли заплутать в лесу, потерять дорогу. Я сама так несколько раз терялась. Училась я в четвертом классе. После классного собрания мы шли домой вместе с учительницей. Она держала меня за руку. И внезапно из-под наших ног вылетела какая-то птица, и, громко чирикавая, как воробей, пропала в темноте. А время было позднее – около десяти часов, было темно, октябрь месяц. И мы невольно разжали свои руки и пошли вдвоем в разные стороны, потеряли дорогу. Долго плутали в темноте, очень долго. Голос друг друга слышали, звали друг друга, а выйти друг к другу никак не могли, искали дорогу и не находили. И так же внезапно вышли на свет крайнего дома в деревне. Там только нашли мы друг друга. Потом она мне рассказывала, что в старину тоже так плутали и объясняли это тем, что это мешает дух умершего человека.

А *Овда*, рассказывали, если проклинала деревню, то эта деревня обязательно прекращала свое существование. Вот, к примеру, мою родную деревню Бутыльчонки прокляла Овда. Об этом рассказывали почти все пожилые жители, когда я была еще молодой. Из-за чего она наслала это проклятие – неизвестно. Достоверно лишь то, что однажды ночью видели их жители, работавшие на конном дворе. Среди них была сестра моего мужа, она там работала конюхом, кормила лошадей. Около десяти часов ночи поили они там лошадей и вдруг отчетливо услышали шум свадьбы. Где же это? Вышли посмотреть и видят – по небу над их головами летят Овды, много их было, и вроде и песню поют, да только музыка не ясна, все на один мотив, и вроде плачут в то же время, не разберешь, рассказывала она потом. Даже после того как я вышла замуж, говорили в родной деревне, что пропадет скоро деревня, Овда нас прокляла. Действительно, сейчас там остался всего один дом, живет там мой брат, а раньше деревня была большой.

А мама моя так говорила. Если услышишь, что Овда идет, ни в коем случае нельзя выходить смотреть на них с пустыми руками. Надо выходить с хлебом в руках, с караваем, с блинами. За это они тебе оставят доброе благословение, хороший совет. Или могли наградить золотом, и всю будущую жизнь этот человек провел бы только в достатке, с деньгами.

Есть у нас еще одно место – овраг между Немдой и д. Чобыком. Говорили, что в старину в этом овраге жила Овда, и овраг называется также – овраг Овды. Он очень крутой и глубокий, когда мы были маленькими, нам запрещали туда ходить, да мы и сами боялись.

С виду Овда, рассказывали, с очень длинными волосами, с большими грудями, одежду они не носят, ходят голыми, а ступни ног у них вывернуты назад.

Мама рассказывала мне также про *Таргылтыша*. Это злой дух. Шла моя мама ночью домой, была зима и сильная вьюга. И откуда ни возьмись появилась перед ней кошка. И не давала ей пройти, так и вертелась она перед ней, мяукала беспрестанно. А мама знала, что это не к хорошему, что это злой дух хочет ее заплутать, а может и погубить, кто знает. И начала она ругаться. Сказала, что из черепа ее сделает ковшик, из лап сделает ложки, и бросила на землю одну варежку. Потому что, говорили, если человек заплутает, потеряется, надо оставить там одну из парных вещей, варежку ли, галошу ли. Потом, отпустит и дорога найдется. Мама так и сделала. И дорога нашлась, и кошка стала пятиться, пятиться и голос ее слышался все дальше и дальше, а потом пропал. И так она пришла домой. Случилось это в 1963–1964 гг. Это был Таргылтыш. Он может принимать разные обличия.

Недалеко от д. Черная Грязь есть старое кладбище, там похоронены старoverы. Это кладбище – одно из самых древних в здешних местах. Из этого кладбища ночью вылетал огонь и летел до кладбища, что находится в Сухоречье. Многие видели. Этот огонь мог быть большим, с длинным хвостом, а то маленьким, как огонек в лампе. Однажды один житель из Софронят по фамилии Курбатов, он был председателем, ехал зимой на санях из Черной Грязи в Софронята. И, видимо, увидел этот самый огонь. Курбатов за ним погнался. Было у него с собой ружье. Он стрелял в огонь, а он рассыплется на искры, и снова соберется в одну кучу. Измучился весь и лошадь чуть не загнал, но не смог догнать. А через год после этого умер.

Мой первый ребенок родился больным, и врачи сказали, что необходима срочная операция. Я очень переживала, и думала, что рано делать ребенку, которому всего месяц от роду, операцию. Поэтому в больнице перед операцией я загадала на сон, будет ли жить мой ребенок, знала, что можно так делать, раньше так маришки делали. И вижу сон: бегу по полю с ребенком на руках. А на небе огромные черные тучи, прямо кипят, гром гремит громко, очень страшно. А по полю едет трактор, за рулем сидит мой дядя Павел. Он сказал, что отвез бы, но места нет. Не села с ним, и тучи ушли. Проснулась и сказала себе, что будет мой ребенок жить. Так и случилось.

Жила в нашей деревне женщина, кормила на конном дворе лошадей, была конюхом. Повела она к речке Толман поить лошадей. Подошла и видит – на берегу речки сидит голая женщина. Волосы очень длинные и очень черные, сидит и расчесывает свои волосы. Груды длинные. Испугалась и прыгнула быстро в воду. Это была *Вуд Ия* – русалка. Случилось это в сентябре, в 1962 г. Об этом случае эта женщина рассказала только

лишь через год после случившегося. О встрече с нечистой силой надо рассказывать только через год, никак не раньше, иначе это зло может обернуться против тебя.

Одна престарелая жительница моей деревни рассказывала, что после того как все члены семьи помылись в бане, заходить туда нельзя, нехорошо. Она однажды пошла в баню зачем-то, а баня была у них черная, по черному топили. Зашла и увидела, как из дымохода торчит черная волосатая нога, очень испугалась. Это был *Монча Ия* – хозяин бани. Случилось это в сентябре, в 1962 г.».

(*Зинаида Евдокимовна Егوشيца (Булыгина), род. в 1940 г., д. Бутыльчонки Новоторьяльского района.*)

Моркинский район

д. Шоруньжа

«Раньше, если что в семье случалось недоброе или кто-либо заболел, женщины нашей деревни, да я и сама ходили к *Ава курык намаш* (родник горы Матери). По-другому его еще называют *Суас намаш* (татарский родник). Он находится на границе с Татарией, у Малой Атни. Там, говорят, есть *Суас Кува* (татарская бабушка), ей оставляют деньги, и она будет молиться за ту, которая их оставила, будет просить у бога. Там брали воду, она целебная, священная. Мужчины тоже ходят, но редко. Женщины должны оставлять деньги, полотенца, платки. Идти туда можно в любой день. Сначала говорят, с чем пришли, что просят, потом умываются святой водой, оставляют деньги, принесенные с собой вещи. И она поможет.

Наша деревня имеет свою священную рощу. В последний раз моление проводилось в этом (2006. – *Прим. ред.*) году, 12 июля, в Петров день. Принесли в жертву большого быка, колхоз помог. А также берут овец, гусей. Молимся Петру, *Шочын Ава* (Божией Матери), Юмо Серлагыш. У каждого бога отдельное священное дерево. У Петра – большая береза, у Шочын Ава – липа, У Юмо Серлагыш – большая липа. Священные деревья *онапу* обвязываются пояском из липового лыка, которое сначала обмакивают в кровь убитого жертвенного животного. После моления поясок сжигают на костре. Раньше были и семейные моления, у каждой семьи были свои священные деревья. Сейчас эти семейные моления проводят на дому. Вместо онапу приносят из леса маленькую ель вместе с корнями. После моления ее сжигают в печи.

В доме живут хозяева – хранители очага. Это *Суртлык Кугуза* и *Суртлык Кува*. Их кормят дома, в рощу не ходят. Ставят в печь специальную кашу, приглашают к каждой горячей пище.

В бане живут *Монча Кува*, *Монча Кугуза*. Их благодарят, как помоешься. И оставляешь воду им в ковшике, чтобы и они могли помывться.

Когда берешь воду из ручья, из родника, просишь разрешения у *Вуд ава*, *Вуд водыжа*. Просишь у них дать вместе с водой здоровье.

Таргылтыш летает ночью в виде птицы. Эта птица летает по ночам, кричит то голосом младенца, то как человек кричит, то другим голосом, иногда страшно. Он может запутать человека, сбить с пути. Кружит человек по кругу, а на дорогу выйти не может. Я сама так плутала».

(*Любовь Розаевна Петрова (Розаева)*, род. в 1940 г., д. Шоруньжа.)

«Я давно занимаюсь молениями, и не единственный карт в деревне. Мои помощники сейчас учатся в г. Йошкар-Ола. Не нравится мне сейчас то, что люди, особенно молодые, не чтят обычаи предков. Не все уважают законы старины. Вот один односельчанин заявил мне прямо в лицо, да при других людях, что никогда больше не придет в священную рошу, что не верит мне и в моления не верит. А сам в Петров день на молении первым прибежал считать деньги. Не очень давно ездил в деревню Шиньша, там открыл священную рошу, ездил в Шапуньжа – тоже открыл рошу, она долго была недействующей, очень старинная роша. Все почистили, убрали, провели моление.

Овда любила лошадей белой масти. Каталась на них по ночам. Раньше их было много. Из-за этого жители намазали круп животного смолой, она прилипла. Гнали их люди, потому что был большой падеж скота. Поэтому от ее проклятия деревни прекращали свое существование. Сама она длинноволосая, в белой одежде. Это рассказывали про *Овду*. Жили они семьями. У д. Овдаево есть гора *Овды (Овда курык)*, там они жили. Эту гору сейчас чтят, не трогают. *Овда* ушла, потому что пришли люди, стали вырубать деревья, не стало мест, чтобы жить. Если человек был хороший, не гнал ее, они помогали таким людям деньгами, хлебом. Такие люди потом никогда не знали нужды. А *кайык овда* – это сова. Она кричит ночью. Ее днем можно найти.

Раньше были и злые духи, был *Таргылтыш*, *Ия*. *Ия* нельзя увидеть, но они могут залезть в душу, запугать, замучить. Петр Егорович, бывший агроном колхоза, говорил, что *Ия* не существуют и не может их быть никогда. Однажды сказал он это в правлении колхоза и потом вышел в путь, пошел домой пешком. Дошел до роши. И в пути стали падать перед ним деревья. Не смог найти дорогу домой, заплутал, повернул обратно. Вернулся и снова тронулся в путь. Только дошел до той роши снова, видит, едут за ним на тарангасе два человека, в упряжке – белая лошадь. Предложили сесть. Он отказался. Идет дальше, смотрит, бегут к нему навстре-

чу два поросенка. Он не остановился, пошел дальше. После той истории у него все умерли, остался лишь один дом. Если встретишь в пути такое, надо, вернувшись домой, сразу отведать хлеба, сесть за стол, иначе или хозяйство пропадет, или сам умрешь. Другая история такая. У меня был знакомый, ходил он в соседнюю деревню к девушке. Возвращался он однажды домой. Было уже темно. Видит, едет за ним человек, предложил подвезти. Тот сел. И поехали, едут и едут без остановки. У него закружилась голова. Достал, рассказывал, табак и закурил. Тот обернулся, не понравилось ему это, и велел слезать. Слез мой друг, и видит он, что лежит в священной роще, а это далеко от дороги. С тех пор не ходил он больше к этой девушке. Это был *Ия*. Он может менять свой облик, может быть поросенком, может быть как человек, может быть огненным шаром, видели многие, как он летает. Он даже убить может.

В воде живет *Вуд Ия*. Про нее мне рассказывал дед. Иногда она выходит на берег в полдень и сидит, свесив ноги, расчесывает свои длинные волосы. Ее очень редко можно увидеть.

Человек, который ходит в церковь, не должен ходить в священную рощу. Я в церковь не хожу. Это разные веры. Я сам крещеный, но в церковь не хожу, хожу в рощу, и креститься мне не гоже. В священной роще не крестятся.

Перед молениями, примерно за месяц, я начинаю видеть сны. Сниться, что дед с белой бородой просит у меня деньги или животных. А однажды видел, как он прямо сказал, что у нас есть животные для моления. Я проснулся и все рассказал в сельском совете. И провели моление богу Николо. В жертву принесли гусей, овцу.

Нынче провели моление на Петров день, 12 июля. Быка дал колхоз. Так перед этим меня оскорбили три человека из нашей деревни, сказали, что все, что я делаю, бесполезно, а собранные деньги кладу в карман. Тогда мне стало очень обидно. Нынче из быка вышло у нас семь разных котлов. Один котел я дал в столовую трактористам, отправили котел каши. Все котлы были съедены на молении. А деньги, нынче вышло их три тысячи восемьсот рублей, эти деньги относим в сельсовет. В другой раз для другого моления на эти деньги можно будет купить барана и прочее. Не было такого, чтобы карт посмел позариться на общие деньги.

Все необходимое для моления готовится в день моления: и поясок для священного дерева, который обмакивают в кровь, а потом завязывают на священное дерево. Это священное дерево изначально выбирает жрец. Если моление проводилось на дому, *онату* приносили из леса – маленькую ель вместе с корнями и землей. Дома молятся богу *Мундыр Кугураку*. В жертву приносят гуся. Во время моления чужих людей впускать в дом нельзя.

Раньше каждому богу приносили в жертву обязательное животное. Нынче люди приходят с тем, что имеют. Конечно, по возможности, мы стараемся следить за обязательным порядком проведения моления. Так, *Петру Кугу Юмо* надо гуся и овцу в жертву принести. Бык так-то не нужен, но если есть, хорошо. Коней раньше приносили *Тунямбал Серлагышу*. Вместо петуха у нас богу *Витнызе* несут два яйца.

У нас молятся богам *Тунямбал Серлагыш*, его священное дерево береза. А то, что рядом дерево стоит, не рубят. Это его дитя. Молятся *Шочын Ава*, ее священное дерево – береза. В рощах хвойным деревьям молится не положено, только лиственным. Хвойные деревья берут лишь на домашние моления. У каждого бога моления проводят отдельные жрецы. Вот и таблички здесь же стоят. Моление могу провести и я, но каждый знает свое место. Молятся богу *Петру*. Упавшие вниз платки и полотенца обычно я сжигаю на костре. Молятся богу *Николо Кугу Юмо, Кугарня Юмо. Эн Кугу Юмо – Петро Кугу Юмо.*

Каждый год весной до начала полевых работ празднуем *Агавайрем*. В поле у нас есть специальное место, стоит береза. Разводим костер, приносим яйца, блины, пироги, мелочь. Через березу кидают яйца. Если яйцо разбивается, не жениться тебе и не выйти замуж в этом году, а если не разобьется, можешь сыграть нынче свадьбу».

(Капитон Александрович Казанцев, род. в 1929 г., с. Вятские Поляны Кировской области, с 1951 г. живет в д. Шоруньжа.)

Куженерский и Сернурский районы

д. Пургаксола

«Название этой деревне дал проезжающий русский человек. Ехал он мимо нашей деревни и из-за пурги остался заночевать. Говорил: „Ну и пурга!“, так и осталось это название. Раньше здесь стояли густые леса. Древние марийцы сражались с татарами. Притесняли они наш народ, поэтому марийцы встали против них. Иван Грозный потом спас марийский народ, Акпарс – был такой вождь, он тоже спасал марийский народ. Жили давно здесь народ *Овда*, похожи были на людей, рассказывали, ступни ног у них вывернуты были назад. А *кайык овда* – это филин, кричит он, по ночам пугает.

Речка Лаж названа марийцами. Она течет, слышно: лож-лож-лож, поэтому так и назвали. У Малого Чарнура у речки стояла мельница, вода стала наполняться, потом она растянулась, стала длинной – *Кужу енгер*. Вот поэтому так и стали звать. И район наш так называется. А Старый

Юледур назван так вот из-за чего. Выгорел лес, и на это свободное место поселились люди, а название сохранили: *йулен тур* – сгоревший край.

Перед самой водой у нас рассказывают, неожиданно в овраге забил родник. Мы помним, маленькими были, как народ говорил: „Что-то будет в этом году“, и началась война.

У нас народ ходил раньше в священную рощу. Молились богам *Кугураку*, *Шочын Ава*, *Пиамбар*. До пяти костров разжигали, каждому богу – отдельный костер. Много народу приходило и из соседних деревень. Выходили осенью. Нынче уже не ходят. А место берегут, деревья не рубят, нельзя. Грибы собирают, но шуметь, сорить нельзя, трогать нельзя такие места. Известны случаи, когда рубили деревья на дрова и забирали домой, так потом они умирали. Праздновали *Агавайрем*. У самой деревни стоит большая береза, туда ходили. Выносили с собой еду: блины, крашенные яйца. Через дерево кидали одно яйцо, а для чего, уже забылось. Давно уже не выходят. А дерево берегут, не рубят, нельзя его трогать».

(Виталий Сергеевич Дмитриев, род. в 1931 г., д. Пургаксола Куженерского района; Андрей Сергеевич Дмитриев, род. в 1928 г., д. Пургаксола Куженерского района.)

д. Старый Юледур

«У этой деревни была своя священная роща (*кусото*), я сама ходила туда редко, знаю, что там молились богам, приносили овец Кугураку и Пиамбар, другим богам вешали полотенца и платки. Разжигали один костер, вешали два котла – для супа и каши. Священное дерево – липа. Ее обвязывали пояском из липового лыка.

Слышала, что д. Петухово прокляла *Овда*. Она любила кататься на белых лошадях по ночам, лошади возвращались домой в мыле. Люди обмазали круп животного смолой, она прилипла, жители деревни ее били, поэтому она прокляла деревню. Овда была длинноволосой, жила в лесу. Когда помоемся в бане, благодарим *Монча Кува* и *Монча Кугуза*, они живут в бане. *Сурт Юмо* оберегает дом, поэтому, когда садимся обедать, зовем его к столу, просим оберегать здоровье домочадцев, помогать.

В настоящее время в кусото не ходят, чаще дома молятся. Я сама тоже дома провожу моления. Вот в прошлом году не поклонилась *Кугураку*, и гуси у меня гусят не вывели, я гусей держу. Нынче обязательно проведу моление. Обычно молимся так. Все убираем, стираем сначала. С утра стряпаемся, готовим еду. Разжигаем огонь в печи. Сначала обращаемся к Кугураку. Он главный бог. Ему в жертву приносим гуся. Заносим гуся в дом, привязываем к ножке стола, раньше липовым лыком привязывали,

нынче лыко не используют, говорим: „Люби гуся белого, гуся с серебряным клювом, батюшка (*Кугуза*), прими или откажись, давно думали об этом, пришел обещанный день, даруем тебе его сегодня, бери“. Развязываем гуся, брызгаем водой, гусь отряхивает воду, хлопает крыльями, это означает, что бог принимает наш дар. У печки гуся режем, кровь брызгаем на *онапу* (священное дерево). *Онапу* заранее приносим из леса – выкапываем вместе с корнями маленькую ель.

Потом приносим в жертву утку для *Пиямбар*. Обращаясь к *Пиямбар*, также привязываем к ножке стола, брызгаем на нее водой, режем, кровь брызгаем на *онапу*. А для *Витнызе* заносим белого петуха. На него воду не брызгают, сразу режут. Мясо утки и гуся варим вместе, петуха отдельно. Это семейное моление делают осенью, после праздника Покров. После моления все сжигаем в печи.

Священную рощу берегут, деревья не рубят. Слышала, кто трогал деревья, рубил их, умирал потом».

(*Екатерина Максимовна Гребнева (Медведева)*, род. в 1931 г., д. Уракино Параньгинского района, в д. Старый Юледур Кузнецкого района живет с 1956 г.)

д. Ирмарь

«Здесь моления проводили раньше в священной роще. Давно уже не ходят. У нас на родник ходят, забил он из земли внезапно, там вода, говорят, целебная. Расскажу как свекровь раньше делала. Моления проводили дома раньше, молились *Кугураку*, *Пиямбар*, *Витнызе*, *Шырт* и *Водыж*. Для них выпекали пять караваев хлеба. Приносили из леса еловую ветку, вместо священного дерева, видимо. Теперь уже давно не молились.

Приносили в жертву Кугураку гуся, Пиямбар – утку, Витнызе – петуха, для Шырта и Водыжа – по одному яйцу. Еловой веткой брызгаем на гуся водой, хлопает крыльями, режем. Кровь собираем в отдельную посуду. Потом утку режем, кровь тоже в ту отдельную посуду. Дальше петуха. Мясо всех птиц варим вместе. На следующее утро все остатки сжигаем.

(*Надежда Игнатъевна Светлакова (Никитина)*, род. в 1940 г., д. Кугенер Сернурского района, в д. Ирмарь Кузнецкого района живет с 1971 г.)

«Сейчас в священные рощи не ходят. Я когда маленькой была, ходила туда с отцом. Знаю, молились *Кугураку*, *Пиямбар*, *Шочын Ава*. Священным деревом была липа. Когда мы были маленькими, ходили в рощу собирать грибы, помню, родители говорили, чтобы вокруг главного дерева мы не собирали, запрещали. Сейчас молятся только дома. Вместо свя-

ценного дерева приносят из лесу еловую и липовую ветку, кладут их под хлеб. Выпекают пять караваев. Приносят в жертву гуся для *Кугурака*, утку для *Пиамбар*, петуха для *Витнызе*, для *Шырта* и *Водыжа* выпекают хлеб. Я сама не провожу такие моления. В рощу даже не захожу, обхожу стороной, нельзя туда заходить, нехорошо.

Агавайрем праздновали, маленькой была, с мамой ходила несколько раз. Выходили весной к березе, что в поле стояла. Выносили еду – блины, пироги, квас, крашенные яйца. Молодые женщины, вышедшие замуж, кидали через дерево крашенные яйца, гадали на будущую жизнь: яйцо разобьется – жизнь может не сложится, не разобьется – жизнь будет хорошей.

Раньше марийцы бежали от татар, прятались в глухие леса. Вышли на место нашей деревни, видят – есть родник, овраг, остались, построили дома. А название деревни получила так. Жили первые марийцы здесь тайно. И однажды на лай собаки вышли к этой деревне другие марийцы. Увидев, что здесь уже живут, они сказали: „У, йыр марий илат!“ („У, кругом одни марийцы!“) и остались жить. С тех пор появилось такое название у этой деревни».

(Александра Николаевна Веселова, род. в 1939 г., д. Ирмарь Куженерского района.)

д. Ирмарь-Починки

«Ходили мы на моления в рощу, учился я в классе 3–4-ом, а сейчас мне 68 лет. Тогда проводили, как мне помнится, общинное моление, помню, было очень много народу. Приносили в жертву овец, гусей, уток. Я уже плохо помню. Разводили семь больших костров. Каким богам молились, тоже не скажу, помню *Кугурака*, *Пиамбар*, *Витнызе*. Священным деревом *онапу* была липа, все семь священных деревьев были липами. Животные привязывались липовым лыком, специально их заготавливали заранее. Помню, брызгали водой на животных. Петуха приносили *Витнызе*. До моления все мылись в банях, на само моление одевали чистые, белые одежды. Большинство людей были одеты в национальную одежду. Помнится также, что дрова для костров пилили ручной пилой, бензопила не использовалась, это было запрещено, так как шуметь в священной роще нельзя. Сейчас это место берегут, деревья не рубят. Грибы собирать можно. Такого, чтобы запрещали другим людям заходить в рощу, не было. К нам даже русские приходили кушать на моление, и их никто не гнал, ели с нами, как и все.

Сейчас в рощу не ходят, моления проводят только дома. Обычно в новолуние, после осенних работ, после праздника Покрова. В жертву приносят гуся, утку, петуха. Гусь – богу *Кугураку*, утка – *Пиамбар*, петух – *Витнызе*.

Священное дерево приносим из леса. *Онапу* считается ветка ели, которую специально приносим из леса для моления. На стол расстилаем чистый домотканый холст, берем две свечи – одна у икон, другая на краю кадки с квасом. Зажигаем их. Птиц завязываем к ножкам стола. Молимся, просим принять каждого бога жертву, просим хорошей жизни, здоровья, удачи в дорогах. Выпекают пять караваев хлеба. Сначала отдаем гуся, потом – утку, последним – петуха. Перед тем как зарезать, брызгаем на гуся водой еловой веткой, он должен отряхнуться, захлопать крыльями. Это означает, что бог Кугурак – он главный – принимает наш дар. Кугурака по-другому называют *Порлендыр Курык Кугуза*. Кровь всех жертвенных птиц собираем отдельно в таз. Эту кровь ставим отдельно. Ее ни в коем случае нельзя не только лакать, но даже нюхать ни кошкам, ни собакам. Их даже в доме быть не должно. На следующее утро все сжигаем: и кровь, и перья, и ветку.

Агавайрам празднуем и сейчас. В другом конце священной рощи стоят отдельно три липы. Выходим обычно 22 мая. Зажигаем небольшой огонь, приносим с собой крашенные яйца, блины, разные пироги: из гусяного мяса, из творога, творожные лепешки, квас. Выходят в основном пожилые, молодежь не очень ходит. Бросаем в огонь маленькими кусочками все, что принесли с собой. Раньше во время этого праздника играли: бросали через деревья яйца у молодых невест, вышедших в деревне замуж. Сейчас этого уже нет. Выходим обычно после обеда. Остатки еды забираем домой.

Мой дядя мне рассказывал, что на место соседней д. Ирмарь люди пришли со стороны Сернура, с берега большого озера – Кугу Ер. И так и стали их звать – *кугу ер мари* (марийцы с большого озера). Переселялись марийцы из-за того, что их теснили другие народы – русские, татары. Поэтому они бежали вглубь, в глухие леса, на новые места, где могли бы жить спокойнее. Раньше здесь везде стояли густые леса. Древние марийцы были запуганными, без конца их обижали и теснили враги.

Овды у нас не было. А есть *кайык овда*. Я сам охотник. Так вот однажды я поймал ее. Сидела на яйцах. Я ее отпустил, потому что детки были. Что ее трогать. Она маленькая, чуть больше кузнечика. Черная с виду. Она обычно плачет по ночам, пугает. Она маленькая, с крылышками, а голос громкий, кричит обычно по весне, ночью. Даже испугаться можно. Может это птица, кто знает.

Есть у нас *Сурт Водыж*. На глаза он не попадает, его трудно увидеть. Он может испугать, шумнуть. У русских это домовый. В бане живут хозяева – *Монча Кува*, *Монча Кугуза*. Как помоешься в бане, их надо благодарить».

(Василий Иванович Куклин, род. в 1939 г., д. Починки Кузнецкого района.)

д. *Новый Юледур*

«Самым первым, слышала, на место деревни Актуган пришел мариец по имени Актуган, остался там жить. От него пошла эта деревня. Откуда пришел, неизвестно. У нашей деревни была священная роща. В последний раз там молились в 1940 г. После войны больше не молились. На последнее моление собралось очень много народу. Приходили и из соседних деревень. Деревни Юледур, Пургак считаются одной деревней, так говорили, что они объединены «единой липой». Молились богам *Шочын Ава, Мер Юмо, Кузуграку*. В одной роще зажигали три больших костра, каждому богу – отдельный огонь. У каждого бога – одно дерево. Этим деревом была липа. На восточной стороне рощи был самый большой костер. Его зажигали Мер Юмо. В дар принесли утку и гуся. Еще помнится, в жертву принесли жеребенка, а какому богу, не скажу, не знаю. Долго, помню, не отряхивался от воды. Думали, не хочет бог жертвы, а потом дрогнул и задрожал.

На конце деревни праздновали *Агавайрам*. В километре от деревни в поле есть небольшое место, там стояла береза. Туда выходили весной, в мае. Я плохо помню, маленькая была. Стоял там большой стол, туда выносили блины, крашенные яйца, творожные лепешки, квас. Помню, как яйца кидали высоко, то ли через березу, то ли просто, не помню, не знаю, для чего бросали.

А в маленькую рощу ходили только деревней. Только не помню, кому молились. Наверное, просили плодородия, хорошей жизни, здоровья. Туда я не ходила. Я сама хожу в церковь, крещеная, поэтому только из детства немного помню кое-что, и все.

Про *Овду* слышала лишь, что они, если население деревни их не кормило, не следило за ними, проклинали эту деревню и сами уходили. А проклятая деревня потом постепенно пропадала. Так говорили раньше».

(*Евдокия Даниловна Петухова, род. в 1922 г., д. Новый Юледур Куженерского района.*)

«В нашей деревне много русских, поэтому и маришцы не очень ходили в священные рощи. Я ходила в рощу, когда мой сын ушел в армию и вернулся раненый. Обычно хожу в церковь. А про рощи знаю, что молятся там богам разным, огни разжигают, когда сыновья уходят в армию. В рощах раньше молились тайно, запрещали. Праздновали *Агавайрем*. Бросали яйца через березу, гадали на жизнь молодых супругов. Говорили, что раньше была *Овда*. Она будто бы прокляла нашу улицу этой деревни, чтобы она не стала больше той, что была, чтобы она не разрасталась. Почему прокляла, не знаю».

(*Аграфена Даниловна Градова (Казанцева), род. в 1927 г., д. Юледур Куженерского района.*)

д. *Одо-Беляк*

«Говорили, что раньше здесь жил народ *одо* – удмурты. А местные марийцы называли их народ *овда*. Были они длинноволосыми, жили в землянках, в глубоком овраге у нашей деревни. И потом пришли в эти места марийцы и стали вытеснять овду. Последний из овды проклял эту деревню, сказав, чтобы в этой деревне не было больше двадцати восьми домов. Так рассказывали старые люди. Действительно, сейчас в нашей деревне жилых домов всего двадцать восемь. По-марийски „беляк“ означает „населенный пункт, деревня, село“.

У нашей деревни есть семь родников. Ими славится наша деревня. Говорили, что из-за этих родников и поселились марийцы, вытеснив овду. Они очень древние. В нашей деревне население в основном русской веры. У д. Нехаленки была старая священная роща, там раньше молились и жители нашей деревни ходили туда. Сейчас там не молятся, но роща эта оберегается и в настоящее время, там даже запрещено собирать грибы.

У нас благодарят хозяина дома – *Сурт Перке*. Ему говорят спасибо, поклоняются по старым обычаям. А мой отец – русской веры, может, потому, что не благодарил хозяина дома, не знаю, но он, мой брат и сосед, мальчишка, угорели ночью в доме три года назад и умерли все ночью. Надо было, потом говорили, Сурт Перке поклониться, принести в жертву животное – гуся ли, овцу ли. Не знаю, по-разному мы после этого думали. К тому же у нас за огородом стояла когда-то старая береза с тремя корнями, под ней очень давно молились наши родственники. Отец с братом ее срубили в тот самый год, когда погибли. Говорили, что, может, из-за этого случилось несчастье, неизвестно. Эта береза была, видимо, родовым нашим деревом, на три дома, там проживают родственники.

Здесь у многих семей, особенно у тех, в которых имелись пожилые люди, имеется свое родовое дерево, под которым они проводили моления. Я была маленькой девочкой и помню, как некоторые их проводили».

(*Зоя Николаевна Шубина (Быкова), род. в 1969 г., д. Одо-Беляк Кузнецерского района.*)

«Раньше здесь жила Овда, говорили. Но я не помню. Мы ходили в священную рощу молиться. Чаще мы молились под своим деревом, у нас береза, она стоит прямо в огороде. Там мы молились богу *Сурт Юмо*. Начали молиться, поэтому для этого специально дерево это мы сами посадили, вот оно выросло. Приносили в жертву барана, резали

под березой. Это место называется *Юмо кумалмо места*. Наше место молений. Разжигали костер, вешали котел, варили еду, просили у Сурт Юмо здоровья, благополучия, чтобы берег домашних животных. Это дерево трогать нельзя, не будем рубить. Молились осенью обычно. Все остатки сжигали. На моление специально приглашали жреца – *карт кугуза*. Давно уже не молились. В последний раз выходили в 1978 г., как сын из армии пришел. Благодарили за то, что сына сохранил здоровым».

(Зинаида Васильевна Быкова (Иванова), род. в 1932 г., д. Лопсола Куженерского района, в д. Одо-Беляк проживает с 1952 г.)

Волжский район

д. Ярамор

«Во время *Агавайрема* мы бросаем маленькими кусочками все, что приносим собой, в огонь: и кашу, и блины, и яйца, и пироги, и квас немного выливаем. Делаем три круга вокруг костра и бросаем в костер. Просим *Перке Юмо, Мланде Ава, Тылзе Ава, Шудыр Ава* дать здоровья, хорошего урожая. Целуем по очереди три березы. Просим всех богов. Выходим каждый год двадцать первого мая.

Недалеко от деревни есть у нас святое место – часовня, где мы просим бога о хорошем. Есть береза, куда ходят просить об исцелении, вешают тряпицы от рубашек, от платья. Для этого приходят рано утром, на рассвете, чтобы никто не видел. Приходят в любой день, как понадобится, так и ходят. Если кто-нибудь увидит, ничего не получится. Некоторые считают, что сюда ходят и со злым умыслом. Вешают на ветке мешочки, в которые кладут конфету, кашу. Считают, что часовня – место для хорошего, а береза – плохое место. По-разному думают. Сами жители точно не скажут, для чего ходят в эти места, особенно к березе, потому что нельзя об этом говорить, вот и ходят каждый со своим умыслом. У часовни молятся Гурию, Герману, Варсонофию. На этом месте находили кости, старинные гробы, предметы разные, видимо, здесь было древнее кладбище.

Жил здесь богатый человек – Венедикт Иванович Ибраев, у него был большой дом, жили они на краю деревни, рядом с домом стоял у них большой склад, без окон. Рассказывали нам, мы маленькие были, что он заманивал туда людей и резал их там, убивал. Мы очень боялись этого места. Некоторые даже рассказывали, что там слышали голоса. Семья была очень богатой и скупой. Дед рассказывал, мать его отправила, малышка, за картошкой, была весна, продовольствия оставалось мало. Жена

этого богача насыпала ведро картошки, а то, что было выше края ведра, отрезала ножом и оставила себе. Не любили их люди».

(Мария Григорьевна Федорова (Моисеева), род. в 1951 г., д. Ярамор; Зоя Егоровна Сидорова (Тимофеева), род. в 1956 г., д. Нуриари Волжского района, в д. Ярамор проживает с 1976 г.)

Звениговский район

с. Исменцы

«В нашем селе есть моленное место – *Пистер* (Липняк). Не все туда ходят, некоторые боятся, думают, что там зло. Я сама хожу.

К *Миколо Юмо* ходят на праздники, несут с собой хлеб, блины, яйца, лук репчатый, оставляют деньги, зажигают свечи. Это очень древнее место, ходят издавна. Однажды мы пришли с сыном сюда зимой, на Рождество, седьмого января. Было очень много снега, но мы все равно пошли, просто решили и пошли. Поставили свечи и внезапно, откуда ни возьмись, прилетела бабочка, сделала два круга перед нами и пропала. Я потом подумала, что это был знак, что есть бог. Приходят сюда те, кому плохо, у кого беда.

Самое главное – место *Миколо Юмо*. Свечи ставим на специальное место. Здесь висят полотенца, рубашки, но никто не говорит, для чего они вешают, видимо, нельзя говорить. Каждый приходит со своей просьбой, может, болью. Спрашивала у пожилых людей, для чего завязывают на ветки вещи и полотенца, отвечают, что не знают, а сами все равно вешают. Приносят лук, точно не знаю, для чего, но обязательно приносят, может от злой силы оберегает. На это моленное место *Миколо Юмо* приходят и из отдаленных мест, из соседних деревень. На столе раскладывают еду, которую приносят с собой. Здесь же кушают.

Другое место – место молений *Шочын Ава*.

Третье место молений – просто моленное место. Здесь свечи прикрепляют прямо на ствол дерева. Здесь обязательно преклоняемся, просим, стоя на коленях».

(Валентина Арсентьевна Николаева (Манасова), род. в 1965 г., с. Исменцы.)

«Раньше наше село называлось *Эсмек Беляк* (Селение Эсмека). Рассказывали, что самым первым сюда пришел мариец по имени Эсмек, от него и пошла деревня, а сейчас уже село.

В моленном месте *Пистер* я ходила только к *Миколо Юмо*. Всегда ходила. Для чего завязывают вещи на ветки, не знаю. Раньше меньше вешали, а сейчас очень много вешают. В *Пистер*е не каждый ходит на третье место молений. Почему, не знаю.

У Звенигова есть место – *Юмудумо курык* (гора поклонений). Я туда ходила, когда муж мой болел, просить. Не выздоровел, потом поехала в Зеленый Дол, к знахарке, так вот она лечит только молитвами, без лишнего, поэтому и поехала. А на ту гору и сейчас люди ходят. Чтят это место, деревья не рубят, боятся. Борис Ефимов в этом месте собирал дрова, забирал деньги, еду, оставленные там людьми. Видимо, он не боялся. У него потом внук родился немым. Нельзя в таких местах трогать. Невестка и сейчас говорит, что из-за него это случилось. Нельзя трогать. Бояться надо».

(*Вера Филипповна Маркова (Павлова), род. в 1926 г., д. Исменцы.*)

д. Кукушениер

«У деревни есть болото – *Юмудымо куп* (Молельное болото). Туда люди ходили просить что-то для себя. Году в 1999-ом поставили там часовенку, но люди свечки зажигают только на старом месте. В старину это место скрывали, чужим людям старались не показывать, даже тайно ходили. Мы сами ходим и в Исменцы, в молельное место *Пистер*. Ходим на место к *Миколо Юмо*. А то, что там вешают, неизвестно для чего. Некоторые ругают за это, нельзя говорить.

У нас рассказывают про гору Мелекш. Родила одна марийка сына, рос он не по дням, а по часам. Звали его *Мелеки*. Был он очень сильным, с другими детьми-одногодками играть не мог, очень быстро рос. Играл он один так: брал большой мельничный жернов, шел на гору. Вставал на нее и скатывал вниз, а сам быстро сбегал вниз и ловил жернов у подножия. Мать очень за него переживала, боясь, что он может пострадать. И пошла она к знахарке. Та ей посоветовала, что, если страшно ей за сына, должна она постирать свои портки и той водой напоить своего сына, сила у него пропадет. Мать так и сделала. И силы у Мелекша стали таять, скатил он жернов с горы, хотел поймать, как обычно делал, да не смог, сил у него уже не было и погиб под этими жерновами. С той поры гору, на которой погиб мальчик, стали звать гора Мелекш. Мать мне рассказывала, что стали там молиться против падежа скота и молитвы доходили. На горе Мелекш есть молельное место. И весь берег этот является священным. Он продолжается до Молельной горы. Говорят, что эти места связаны. Там береза, на ней очень много тряпиц, но местное население считает, что так нельзя делать и не трогает, считает, что оно может перейти к ним. Эту березу трогать нельзя, рубить – ни в коем случае нельзя. Сколько людей приходят сюда со своей болью, со своими просьбами. Маленькой была, помню, недалеко от этого места стоял старый дуб, а на нем было завязано полотенце. Никто к этому дереву особо не подходил, боялись, может. Мы, дети очень боялись. Один человека срубил это дерево на дрова. Вскоре потом сломал ногу и очень долго

лежал, она трудно заживала, так и умер потом. Старые люди говорили, что это случилось из-за того, что он тронул святое дерево.

Я сама к этой священной березе очень много раз ходила, особенно когда сына забрали в армию, и он попал в горячую точку. Долго ходила, все просила уберечь его. И написал он письмо, что лежит в госпитале, заболел, что должны его оперировать. Я снова на это место ходила просить. И сына комиссовали, вернулся через полгода, как ушел из дома. Я потом благодарила, ходила сюда, ставила свечи.

Помню, мать меня лечила, когда я болела, народным способом. Только, что конкретно делала, не помню. Она говорила, что дает душу душе, обращалась к *Ший Шырт*, носила свежее яйцо на перекресток дорог. Такое делали, когда был сглаз или недобрым словом наградили. Клала в спичечный коробок картофельное пюре со сливочным маслом, вместо ложек – спички, относила на моленную гору. Так она „кормила“ зло, чтобы он отпустило человека, не „грызло“ его».

(Галина Павловна Петрова (Груднова), род. в 1954 г., д. Мари-Луговая Звениговского района.)

д. Шимиурга

«На озеро *Шумьер* мы раньше купаться ходили, ловили рыб. Караси попадались белые. Здесь есть моленное место. Кому молятся, не знаю. Ходят марийцы. Сейчас ходят ли не знаю, но слышал, как старые говорили, что теперь там нет священной силы, потому что трассу провели рядом с Шумьером. Я лично видел, как здесь бегали курицы. Их приносили в жертву. Я сам русский. Когда был маленький, мама запрещала мне на это место ходить, говорила, что там молятся марийцы и ходить туда нельзя и трогать ничего нельзя. Тут на деревьях висели полотенца, лоскутки. Некоторые говорят, что там кто-то живет, вроде лешака, что ли. Я однажды купался там, и меня за ногу будто кто-то схватил. Водоросли были, конечно. Я же выплыл».

(Николай Анатольевич Мочалов, род. в 1957 г., д. Шимиурга.)

д. Ялтаево

«Жители нашей деревни ходили на моленное место – озеро *Шумьер*. Это озеро очень глубокое, пытались измерить глубину, связали двенадцать вожжей, но все равно дна не достали. Там молились издавна. Ходили с разными просьбами, чтобы от болезни поправиться. Я ходила туда вместе с соседками, они, помню, просили мужей от пьянства освободить. Я сама просила оберегать нас от недобрых людей, жили мы с краю деревни, просились

ночевать часто. Молились там *Кугузе*. Он является хозяином этого озера, живет там. Одна даже перину отнесла, чтобы поправиться. Потом обратно забрала. Оставляла для зла, чтобы оно отпустило. Мы брали с собой еду, некоторые немного водки берут. Свечки зажигали. Просили добра, здоровья, дождь, много чего. Кушали сами и в воду бросали все, что принесли понемногу для *Кугуза*. Ходят туда и для зла и для добра.

Моления проводили и на дому. У меня сын заболел, к знающей бабке пошла, она велела мне взять немного блинов, яиц, обязательно рыбы и в доме зажигала свечку, и просила освободить от болезни. Раньше относили туда курицу живую, оставляли. Однажды, рассказывали, у одной женщины соседки курица там вывела цыплят и вернулась домой.

Самого Кугуза увидеть нельзя, на глаза он не показывается. Один видел, рассказывал, что у него белая борода. Вышел он на край поля и сказал мужику, что его выгнали из озера и дом его теперь в поле. Мама рассказывала, что очень давно стояла на месте озера церковь и ушла в землю, а на ее месте образовалось это озеро. Если в озере ловишь рыбу, надо приносить что-нибудь и бросать в воду, кашу, например».

(*Зоя Михайловна Мещеркина (Павлова), род. в 1934 г., д. Ялтаево; Клавдия Афанасьевна Мещеркина, род. в 1930 г., д. Ялтаево.*)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Конкка А. П.* Марийские деревья-знаки: маркеры сакральных границ // Вестник РГНФ. М., 2007. № 4 (49). С. 217–229.

² *Ярыгин А. Ф.* Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976. С. 48.

³ *Васильев В. М.* Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск, 1927. С. 31.

*Ю. П. Холушкин, И. Н. Гемуев, В. Т. Воронин,
А. Н. Нуртдинов, М. В. Ильиных, В. М. Семенов,
Ю. Ю. Муратова*

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ОБСКИХ УГРОВ КАК ОБЪЕКТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Одной из наиболее актуальных глобальных проблем развития современного российского общества является сохранение материального и культурного наследия малочисленных коренных народов Сибири.